

Глава 51:

Ярость

Все было готово. Деревенский староста слегка кашлянул и направился к фасаду недавно построенного большого двора.

Стоя там, он поднял руку, и шумная толпа мгновенно затихла.

Глава деревни, устроивший церемонию открытия нового дома Нин, проявил величайшую вежливость по отношению к чужакам. Он обычно не возглавлял обычную церемонию, за исключением жертвоприношений в клане.

На этот раз он оказал честь, намереваясь свести на нет неприятный осадок, вызванный прежним неприятным инцидентом, а также подлизаться к ним, тем самым завоевав их расположение.

Со времени последнего самоанализа в зале предков старейшина Вангер оставался дома под предлогом того, что заболел. Старейшина Ли и старейшина Фанг надели приятные улыбки на свои лица, в то время как старейшина Гао искренне поздравлял их, немного смущаясь.

Хотя Мо Цянь Сюэ не очень нравились эти деревенские старейшины, она предпочла забыть прежнюю вражду и обиды, так как жена главы добровольно посещала их много раз, и, в конце концов, они жили в одной деревне.

- Повесьте на балку что-нибудь красное! Отныне дом будет мирным и процветающим!

Голос деревенского старосты звучал громко, а лицо его было одновременно радостным и торжественным. При этом объявлении несколько парней выскочили и повесили приготовленную красную ткань на балку.

- Прикрепите двустиише: Мы желаем вам мира и благополучия на все времена!

Несколько школьников вышли вперед и радостно наклеили двустиише на парадную дверь дома.

- Пригласите дверных богов! Они будут охранять ваш дом и даруют вам мир!

Ван Тяньсонг взял Ван Сяолей, чтобы вставить изображение дверных богов на одной стороне двери.

Новый дом был, наконец закончен. Мо Цянь Сюэ и Нин Шао Цин, стоявшие поодаль, были взволнованы.

Наконец-то у нее появился свой собственный дом. Хотя прежний дом тоже можно было назвать домом, но она всегда чувствовала, что он ей не принадлежит, ей было не по себе в нем.

Большая ладонь сжала ее руку.

Мо бросила взгляд и обнаружила, что Нин держит ее за руку, но глаза не смотрели на нее. Он стоял перед новым домом, серьезный и торжественный, ничуть не выдавая своего тайного волнения.

Средь бела дня и при такой большой аудитории, не было ли это слишком... слишком дерзко?

Что это с ним случилось?

Обычно он был слишком застенчив, чтобы открыто выражать свои чувства, но сегодня он оставил вежливость в школе и забыл забрать ее домой?

Девушка смутилась и попыталась освободить руку.

Но упрямая и сильная рука не соглашалась. Он еще сильнее сжал ее руку, и жар от него, казалось, обжег ей сердце насквозь.

Он тоже должен быть счастлив!

Церемония открытия нового дома продолжалась, и они вдвоем наблюдали за ней, держась за руки. Значит ли это, что они тоже будут жить счастливо, пока смерть не разлучит их?

Чем больше она думала, тем слаще себя чувствовала. Ее уши покраснели, но обнаружив, что никто не заметил их, она прекратила борьбу и также крепко сжала его руку.

Нин стоял неподвижно, но на его губах играла улыбка.

- Запускайте петарды!

Поскольку звук был продолжительным, толпа начала шумно отступать в сторону. Шуайцзы привел многих школьников в приподнятом настроении и вышел, неся несколько бамбуковых шестов, на конце которых уже висели петарды.

Никто не заметил, как два человека вошли внутрь, жадно оглядывая слева направо двор.

Видя, что церемония близится к концу, два человека вышли из толпы и закричали, чтобы остановить ее.

- Подожди!

Внезапный крик не смог остановить руки школьников, которые зажгли петарды. Трясущимися руками петарды были запущены.

Все здравомыслящие люди поняли, что эти двое пришли, чтобы устроить неприятности!

Взрыв и шум хлопушек. В громком шуме толпа отступила. Они оба замерли в шоке, не в силах быстро среагировать, и оказались на пустыре двора.

Шуайцзы закатил глаза и посмотрел на сверстников, затем несколько детей начали невзначай бросать петарды в сторону пришедших двух человек.

Кто же они такие? Они проявили неуважение к мистеру и миссис Нин, и пришли испортить церемонию? Ни за что!

Два человека продолжали метаться из стороны в сторону, но, к несчастью, дети были "напуганы", и бамбуковые шесты также раскачивались из стороны в сторону вслед за движением двух людей. Взрыв, шум, дым. В их лица полетели хлопушки, отчего они стали дымчато-черными.

Эти двое прыгали вокруг, как два клоуна, но никто не проявлял к ним сочувствия.

Звук петард прекратился, и деревенский староста громко объявил:

- Заканчивай!

Одежда младшего была разорвана взрывом петард. Он гнался за школьниками, ругаясь:

- Да пошел ты! ДА ПОШЕЛ ТЫ!

Тот, что постарше, который теперь был в мышино-серой грязной одежде, также кричал грязные слова:

- Придурки. Задницы. Вы гребаные засранцы!

Он собрал свою одежду и пошел к деревенскому старосте, говоря с таким достоинством, что почти приравнивалось к тому, чтобы схватить его за шею:

- Глава, разве ты меня не знаешь? Я - Ван Юйшань!

На самом деле, деревенский староста давно узнал этого человека, но он был слишком высокомерен и не хотел быть добрым к этому человеку:

- Ван Юйшань? О, я помню. Я слышал о тебе. Итак, что ты здесь делаешь?

Тон был презрительный, а на лице - насмешливое выражение.

- Твой отец умер восемь лет назад. Не слишком ли поздно ты решил прийти и отдать дань уважения?

- Кто ... кто пришел сюда отдать дань?

- Тогда что ты здесь делаешь?

- Отдать дань? Это подождет. Теперь я хочу поговорить серьезно. - Ван Юйшань что-то понял и поперхнулся ответом, приходя в ярость от смущения.

Он неловко коснулся своего лица черной ладонью, указывая в потолок:

- Я помню, что этот двор принадлежит Вану. Это мой дом и моя земля. С каких это пор он был захвачен Нин и стал их?

Мо Цянь Сюэ выглядела сердитой, в то время как Нин Шао Цин оставался бесстрастным. Лицо деревенского старосты тоже помрачнело. Его брови нахмурились, в какой-то момент он не смог найти никакого опровержения.

Увидев лицо деревенского старосты и тишину во дворе, Ван Юйшань самодовольно сказал:

- Не думайте, что только потому, что мой отец мертв, а я больше не живу здесь, вы можете забрать мою собственность таким образом. Земля моя, так что и дом тоже мой...

В толпе некоторые уже узнали его и начали свой разговор. Зрители снова подняли бунт.

- Ван Юйшань? Разве он не приемный сын старого Вана? Плохой неблагодарный сын...

- Точно! Как бесстыдно, что он вернулся! Портит репутацию деревни Ван.

- Он не возвращался уже больше двух лет. Чего же он хочет?

Никто не был рад ему здесь. Все обвиняли его. Мужчины и женщины, которые приходили строить дом, помогая Мо в эти дни. Теперь они по-настоящему жалели и переживали за нее...

Для многих Мо стала хорошей. На этот раз во время строительства она хорошо обращалась с каждым из них. С самого начала она предложила этим людям по двадцать центов в день. Сначала они отказались принимать, но потом, наконец, согласились.

Их жены, которые приходили сюда подавать чай или воду и иногда помогали им, хотя им и не платили, также оставались здесь за еду.

Мо Цянь Сюэ понимала и сочувствовала им, потому что в древние времена жены очень много работали, чтобы служить тещам, мужьям и детям дома и заботиться о земле и многом другом. То, что они обычно ели, было объедками. Вы можете себе представить, какую жизнь они вели?

Поэтому Мо не поступала так, как другие, не позволяя женщинам есть то, что не доели их мужья. Вместо этого, пока мужчины ели, она специально накрывала другой стол для женщин. Они ели одновременно и столько, сколько им хотелось.

Часто были маленькие жены, которые застенчиво спрашивали, могут ли они забрать остатки еды домой, и Мо всегда с готовностью разрешала.

Однако обвинение и осуждение со стороны этих двух бесстыдных людей показались им бесполезными.

Люди, которые пришли, не были добрыми. Добрые люди не придут!

Она боялась, что это будет нелегко уладить.

Мо яростно прошла к ним. Неважно, кто они такие. Они не смогут занять новый дом, который она так старательно строила!

<http://tl.rulate.ru/book/14777/728825>